

КНИГА КАК ОРУЖИЕ

На прошлой неделе в Москве в Центральном Доме художника прошла 7-я Международная ярмарка интеллектуальной литературы «pop/fiction» — смотр книгоиздателей, которые обходятся без Донцовой, Устиновой и даже Акунина. **Александр ПАНОВ**, продолжая серию «культурных бесед» (разговоры о политике с деятелями культуры), встретился с хозяином самого радикального и скандального стенда ярмарки — главным редактором издательства «Ультра. Культура» **Ильей КОРМИЛЬЦЕВЫМ** (на фото).

Его издательство специализируется на текстах, противостоящих так называемому мейнстриму. Девизы издательства говорят сами за себя:

«Все, что ты знаешь, — ложь», «Книга как оружие», «Книги времен Апокалипсиса».

Здесь печатаются культурные изгои — нацбол Лимонов, «красно-коричневый» Проханов и исламский гуру Гейдар Джемаль. Тут выходят переводы западных исследований о медицинской пользе марихуаны и скрываемой американским Госдепом подноготной событий 11 сентября. «Ультра. Культура» издает манифесты анархистов и скинхедов, антологию поэзии битников (американских революционеров от литературы 1950-х годов) и инструкцию по самообороне в случае столкновения с милицией. Прокуратура и Госнарконтроль постоянно требуют возбуждения уголовных дел против главного редактора и его команды. Но при этом «альтернативщик» и провокатор Кормильцев — интеллектуал, эрудит, талантливейший переводчик (в частности, читающая публика до сих пор благодарна ему за перевод романа легенды американской рок-музыки Ника Кейва «И узре ослица Ангела Божия») и листательный поэт. Он вообще не нуждается в представлении. Помните — «Скованные одной цепью», «Я хочу быть с тобой», «Гуд бай, Америка»? Кормильцев был автором текстов большинства песен группы «Наутилус Помпилиус» времен ее триумфа, и эти песни пела вся страна. С этого и начался разговор.

— Илья, что заставило всенародно любимого поэта-песенника стать радикальным издателем и даже политическим оппозиционером?

Новая заг.-2005.-05-07дек.-с.13.

— Жизнь заставила. Все произошло под давлением обстоятельств. Другое дело, что я никогда не позиционировал себя как «поэта-песенника» или рок-музыканта. Моя деятельность — следствие идей, возникающих в голове, а средства для их реализации уже predeterminedются этими самыми обстоятельствами. Я всегда себя воспринимал как культуртехнолог — в противовес модной нынче профессии политтехнолога. То есть я ставил перед собой некоторую конкретную задачу: «Почему бы не сделать вот это?!» И когда в Свердловске в конце 70-х мы только начинали свою музыкальную деятельность, моей задачей была попытка-эксперимент написать рок-тексты на русском языке (надо учиться, что про «Аквариум» мы вообще не знали, а «Машина времени» не очень нравилась). А теперь я решил издавать вот такие — как бы запрещенные — книги. И это тоже своего рода эксперимент, культуртехнология. Для меня важен не результат, а сам процесс воплощения моих идей, организация движения. И когда музыкальный проект реализовался и стал коммерчески успешным, я сменил амплуа.

— Зато теперь тот же бывший «подпольщик» Гребенщиков в Кремль вхож,

а ваш друг и коллега Бутусов выступает во Дворце съездов...

— Мало ли кто куда вхож и кто где выступает. На том свете всех будут судить по другим показателям. И спецпропуска мало помогут. Мне всегда интереснее работать с вызывающими идеями, чем с теми, что поддерживают статус-кво. Это связано с моим личным убеждением, что культура — это мертвое искусство. Культура всегда пытается защититься от искусства, обзывая его самодельностью и экстремизмом. Это корпорация, защищающая собственные экономические интересы и заинтересованная в том, чтобы ничего не менялось. А искусство — поток откровения. Культура принадлежит жрецам, искусство принадлежит пророкам. Пророки очень часто переходят в категорию жрецов и получают пропуск в Кремль или в Белый дом. Впрочем, я не хочу осуждать своих успешных друзей. Просто я уверен, что самые интересные войны — это те, в которых ты обречен на поражение. А победители оказываются проигравшими по прошествии многих лет.

— Но тем не менее вы сами долго были победителем. Прежнее бремя славы не тяготит?

— В 97-м году наши пути с Бутусовым разошлись, его бремя меня уже не давит. Нет, оно мешает, естественно. Пытается опрокинуть, переташить в стан жрецов. Приходится себя постоянно репозиционировать, говорить: «Я этим больше не занимаюсь, про музыку больше не говорю». Бремя славы — это ловушка, которая пытается вернуть тебя в прошлое. А жить надо будущим.

— Будущее — за «Ультра. Культурой»?

— По крайней мере, это еще не до конца оформленный проект, и потому им интересно заниматься. Появилась общественная востребованность радикальной литературы, и власть, которая постоянно пытается «наехать» на издательство, ничего не может с этим поделать. Впрочем, сегодняшняя власть вообще беспомощна. По своей структуре она антиидеологична. Она решает тактические, а не стратегические задачи, и у нее нет никакой святой святых, кроме банковского счета. Всякую идеологию она старается купить и поставить себе на службу. Она отовсюду хватает идеи — получается дьявольская смесь, но не «коктейль Молотова».

Она может разрабатывать либеральный курс, может левацкий, может империалистический. У власти нет учения, а значит, нет и области абсолютно недопустимого. Потому наша радикальная деятельность пока совершенно безопасна. Более того, когда прокуратура пыталась возбудить против издательства дело о разжигании национальной розни по поводу публикации книжки о скинхедах, к нам в офис пришел следователь. Спросил редакторов: «Вы сами книгу читали?». Перегуганные девочки ответили, что нет. «Зря, хорошая книжка», — вздохнул он. И эти люди запрещают нам ковыряться в носу!

— То есть, пользуясь вашей терминологией, они даже не жрецы, а жалкие вреднишки?

— Вот поэтому нынешняя власть и обречена на падение. Общество ждет какой-то жесткой идеи — левой, правой, националистической, но одной. А нынешняя власть не в состоянии ее предложить. Они говорят о «вертикали»? Попробуйте что-то удержать на вертикали — куске проволоки или стальной спице. Попробуйте удержать страну на чистой идее административной власти без собирающей идеологии. Все рухнет, и очень быстро рухнет.

— Тогда зачем бороться с властью?

— А «Ультра. Культура» борется не с властью — черт с ней, — а с культурной ситуацией, в которой пока есть какие-то зоны невозможного. Мы делаем невозможное возможным, работаем с запрещенными темами вроде наркотиков, террора, радикальных культурных практик, которые не то чтобы запрещены, но о которых не принято говорить публично. Или попытка говорить о них именно в таком ключе воспринимается как юродство или идиотия. Но кто это решает? А государственные секреты мы не продаем — власть их сама продаст, если найдет покупателя. Она слишком озлоблена личным гешефтом. А вообще-то у властей не должно быть ничего личного. Так что наши враги — не власти, а общество. Когда некоторые книгопродавцы отказываются брать на распространение наши книжки, им никто не присылает инструкции сверху. Это простая советская трусость и личная кость. Вот с этим-то мы и боремся. В качестве оружия используя книги.

7